

**Эмотиология в коми языкознании:
пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы**

Е. А. Цыпанов

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
tsypanov@mail.illhkomisc.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В современной лингвистике сформировалось направление эмотиология, изучающая способы выражения эмоций на всех языковых уровнях. Это направление появилось в ряде стран в 80-е гг. прошлого века как ответная реакция на былое видение исследователями в языках лишь рационального.

Цель: представить теоретическую аргументацию эмотиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины для перспективного изучения материала финно-угорских и коми языков в этом аспекте, краткий обзор двух подгрупп лексических единиц.

Материалы исследования: лексемы и лексические словосочетания, представляющие из себя слова-пейоративы коми языка, собранные автором из разных источников в единый реестр.

Результаты и научная новизна. В статье представлены теоретические основы эмотиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в современной мировой лингвистической науке, аргументированно обоснована необходимость изучения материала коми языка в указанных аспектах анализа. Кратко рассмотрены слова-пейоративы вторичного образования, значения которых мотивированы. В коми языке можно отчётливо выделить следующие группы слов, на базе которых возникли пейоративные мотивированные созначения, лексемы, обозначающие:

- 1) части тела человека, предметы выделения организма,
- 2) предметы традиционного хозяйства и домашнего быта,
- 3) зооморфизмы, слова-названия животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся, рыб,
- 4) фитонимы, названия растений и их частей,
- 5) имена собственные (этнонимы, личные имена),
- 6) мифологическая лексика (названия духов, различных отрицательных существ и т.п.).

В статье впервые охарактеризованы (кратко) две группы лексических единиц с мотивированными значениями: слова, обозначающие предметы традиционного быта коми-зырян и слова-зооморфизмы (названия животных, птиц, насекомых, земноводных).

Ключевые слова: коми язык, лексикология, эмотивная лексика, слова-пейоративы, вторичная метафорическая номинация.

Для цитирования: Цыпанов Е. А. Эмотиология в коми языкознании: пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 110–119.

**Emotiology in Komi linguistics: pejorative words – the names
of household items and zoomorphisms**

E. A. Tsypanov

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
tsypanov@mail.illhkomisc.ru*

ABSTRACT

Introduction: in modern linguistics, the direction of emotiology has been formed, studying the ways of expression of emotions at all language levels. This direction was formed in a number of countries in the 80s of the XX century as the response to the former desire to see only rational in languages by researchers.

Objective: to present the theoretical argumentation of emotiology as the independent linguistic discipline for the prospective study of the material of the Finno-Ugric and Komi languages and to present brief overview of two subgroups of lexical units.

Research materials: lexemes and lexical phrases collected by the author from various sources into the single registry, which are the words-pejoratives of the Komi language.

Results and novelty of the research: the article presents the basic theoretical foundations of emotiology as the independent linguistic discipline in modern world linguistic science. The article justifies the need to study the material of the Komi language in these aspects of analysis. It briefly reviewed the words-pejoratives of secondary nomination, the meanings of which are motivated. In the Komi language we clearly can distinguish the following groups of words on the basis of which the pejorative motivated meanings were formed:

- 1) parts of the human body, body secretions,
- 2) items of traditional economy and household,
- 3) zoomorphisms, words – the names of animals, birds, insects, reptiles, fish,
- 4) phytonyms (names of plants and their parts),
- 5) proper names (ethnonyms, personal names),
- 6) mythological vocabulary (names of spirits, various negative creatures, etc.).

Two groups of lexical units with motivated meanings are briefly characterized in the article for the first time: the words denoting items of traditional household of the Komi-Zyryan people and the zoomorphisms (names of animals, birds, insects, amphibians).

Key words: Komi language, lexicology, emotive vocabulary, pejorative words, secondary metaphorical nomination.

For citation: Tsypanov E. A. Emotiology in Komi linguistics: pejorative words – the names of household items and zoomorphisms // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 110–119.

Введение

Современная наука признает, что человек является не только *Homo sapiens* «человек разумный», как традиционно считалось, но также и *Homo sentiens* «человек чувствующий», поскольку многими действиями человеческой личности руководят именно эмоции. В современной лингвистике сформировалось целое направление эмотиология, изучающая способы выражения эмоций на всех языковых уровнях, от фонетики до синтаксиса. Это направление зародилось в ряде стран в 80-е гг. прошлого века как ответная реакция на стремление видеть в языке лишь рациональное. Часто приводится считавшееся авторитетным мнение американского лингвиста Эдварда Сепира о том, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики, поскольку они не являются составляющими семантики слова, не присущи самому слову, и что лингвисты отказываются терпеть эмоции в своих исследованиях [21, 25]. Практическую важность выводов и результатов эмотиологии ощущают не только языковеды, но и педагоги, психологи, работники СМИ, политики. В 1985 г. в США при Гарвардском университете был организован Международный центр по исследованиям эмоций. В настоящее время основы эмотиологии постулированы в

ряде работ как иностранных, так и отечественных авторов [3; 19; 22; 23; 24; 25; 26]. В основу данной статьи положены теоретические взгляды В. И. Шаховского, высказанные им в своих основополагающих работах [20; 21].

Эмотиология успешно пробивает дорогу и в финно-угроведение. Так, уже в нашем веке написаны и защищены по этому профилю две кандидатские диссертации, одна на материале эрзянского [13; 14] и одна на материале удмуртского языка [4], на материале коми языка вышли отдельные статьи и мини-монография автора настоящей статьи [16; 17; 18], опубликована также статья о связи выражения эмоций с временной структурой речи в финно-угорских языках [23]. В диссертационной работе Н. В. Зотовой выдвигается тезис о существовании в удмуртском языке «функционально-семантической категории, выражаемой различными языковыми средствами, среди которых в письменной речи доминирующими являются средства лексического уровня; часть лексических единиц изначально содержит эмотивный компонент в своём значении, другие лексемы могут принимать эмотивное значение в определённых контекстуальных условиях» [4, 5]. В качестве исходного пункта для анализа материала данной статьи это положение вполне приемлемо.

Материалы и методы

Основным материалом для написания статьи послужил авторский фонд коми пейоративов, слов и лексических словосочетаний, собираемый и пополняемый из различных источников на протяжении более чем 15 лет.

При написании статьи применялись следующие методы лингвистических исследований: описательный, лексикографический, метод компонентного анализа семантики, сопоставительный, метод анкетирования, частично количественный.

Результаты

Психолингвистические эксперименты показали, что эмотивное значение быстрее схватывается (понимается, осознается), чем логико-предметное значение, т.е. человеку очень важен эмоциональный смысл высказывания (что ждать от собеседника, хорошее или плохое, гнев или ласку и т.д.). Установлено также, что эмоционально окрашенная информация запоминается быстрее и прочнее по сравнению с безразличной информацией.

Эмоции в широком смысле слова выражает целый комплекс языковых средств, куда входят интонация, специальные суффиксы (уменьшительные, уничижительные), глагольные формы, частицы, междометия, порядок слов, синтаксические повторы и т.д. Эмотивное значение наиболее рельефно лексикализуется в словах и словосочетаниях. Наиболее разнообразно в языках представлена эмотивная лексика, куда входят имена эмоций и слова, выражающие эмоциональные состояния, отражающие так называемые оценочные понятия или вернее представления. Эмотивное значение в аффективах является основным, обязательным и может быть приравнено к денотативному, хотя традиционно считается, что информативна только денотативная функция языка. Вероятно, прав В. И. Шаховский, говоря, что эмотивная и экспрессивная функции также информативны, т.е. коммуникативно релевантны [21, 72]. Носители языка чётко улавливают оценочные оттенки в эмотивной лексике, входящей в активный словарный запас. Наиболее большими группами лексики являются слова-пейоративы и слова-мелиоративы. Характерно, что первых в языках гораздо больше, однако вторые

употребляются намного чаще первых. Очень важен тезис о национально выраженном характере эмотивной лексики, что отражает культурно-исторические основы жизнедеятельности этноса на протяжении ряда веков. Для иллюстрации приведём один пример. В коми диалектах для выражения крайней досады, особо сильного недовольства широко употребительно местоимение *кӧчамач* (в русском языке ему соответствуют *чёрт*, *чёрт возьми*, *блин*, широко известные краткие слова, начинающиеся на буквы *с* и *б*, в удмуртском соответствует *шайтан*, *шайтан басьтон*). Слово *кӧчамач* в ходе истории языка перешло в разряд междометия через статус пейоративного слова со значением «негодник» от первичного названия гриба «дождевик», причём имеется в виду свежий округлый дождевик, вырастающий, как правило, после дождя. Вероятно, древние коми-зыряне неоднократно поскальзывались и больно падали на землю, пока не стали употреблять слово в переносном значении «негодник, пакостник». Интересно, что коми этот гриб в пищу не употребляют, но здесь видна их близость к природе, наблюдательность, сметливость [16].

Состав пейоративной лексики в коми языке ещё не являлся объектом системного лингвистического анализа, хотя важность этого вида слов и лексических словосочетаний не вызывает сомнений уже хотя бы по причине их частотности в диалогической и монологической речи, в произведениях фольклора и художественной литературы. Пейоративные значения отдельных слов кратко представлялись в обобщающих работах по коми лексикологии как материал полисемии (*синтӧм гутъяс* 'слепцы', *кӧч сьӧлӧм* 'трус', *ёма* 'ведьма', *чирей* 'задира') [19, 30–31] или как лексика с эмоциональным значением, например, *абача*, *абача рушку* 'пӧтлытӧм горш', *недӧкунь* 'абу тыр сюсь морт' [5, 12]. В основном же сведения о подобной лексике содержатся в нормативных и диалектных словарях коми языка, например, *тоторкатша* 1) сорокопут (птица), 2) перен. задира, забияка разг. [2, 683].

Самое общее определение термину *пейоративный* даёт О. С. Ахманова: «Пейоративный (уничижительный, депрециативный, детериоративный, неодобрительный) англ. *pejorative*, *deteriorative*. 1. Обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. Пейоративное слово. Пейоративное

значение. 2. Сообщающий (придающий) слову отрицательную коннотацию. Пейоративный суффикс» [1, 315]. Ранее в русистике употреблялся и теперь употребляется термин *бранная лексика*. Необходимо отметить, что особые грамматические пейоративные суффиксы в коми языке есть: это коми-пермяцкий суффикс **-жуг** с уничижительным значением, например, *иганжуг* ‘плохой забор’, и коми-зырянский суффикс **-шой**, например, *пасьшой* ‘плохая, никуда не годная шуба’. Оба суффикса исторически возникли от знаменательных существительных *жуг* ‘труха, отбросы’ и *шой* ‘труп’. Однако количественно пейоративная лексика в выражении отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной семантики занимает центральное место.

Некоторые авторы видят большую разницу между собственно пейоративами и ругательствами, матерными нецензурными выражениями или инвективами, именно последние именуются бранной лексикой. В русистике сформировалось целое направление изучения брани, составлено несколько словарей русского мата, написано множество статей и монографий. Однако в современности их различать очень сложно, т.к. в условиях резкой демократизации языка стираются стилистические различия, а так называемый высокий стиль во многих языках выходит из употребления. К примеру, в словарь «Русское сквернословие» наряду с откровенными нецензурными словами и выражениями включены и пейоративы, абсолютно свободно употребляющиеся в разговорной речи: *гад, дерьмо, сука* [11, 52, 62, 221]. В нашем понимании пейоративов грубые бранные выражения также включаются в объект исследования, однако в силу историко-культурных причин в коми языке грубых матерных выражений исконно-языкового происхождения совсем немного. Эта проблема не актуальна в силу того, что матерные выражения являются в коми языке в основном русскими заимствованиями, которые в лингвистическом плане уже неплохо изучены.

В составе пейоративной лексики можно выделить две большие группы образований: это лексемы с изначально оценочной семантикой и лексемы с диахронно переносными значениями,

отличными от прямого или буквального значения по денотативному ряду. К числу первых относятся лексемы, обычно означающие лиц с определёнными негативными характеристиками, где сама основа уже выражает оценку: это прилагательные, причастия, отглагольные существительные с суффиксом **-ысь**, производные существительные и словосочетания, например, *йёй*, *бёб* ‘дурак’, *вежёма* ‘оборотень’, *гуысь* ‘вор’, *гиги* ‘пустосмешка’, *нежспоз* ‘отвратительный человек’, *сюра лешак* ‘букв. рогатый леший’. Сюда же относятся многочисленные заимствованные из русского языка пейоративы, сохраняющие оценочное значение, существовавшие в передающем языке, например, у слова *мерзавеч* ‘мерзавец’.

К числу вторых относятся пейоративные единицы, возникшие в результате расширения значения слов, как явление развития полисемии, например, пейоративы *катша* ‘болтушка, легкомысленная женщина’, и *нямёд* ‘мямля, тряпка, рохля’ возникли путём смены денотативного наполнения и метафоризации (по сходству поведенческого плана, по физическим характеристикам, не по внешнему сходству) на основе прямых значений ‘сорока’ и ‘портянка’ соответственно. Чаще всего в речи коми употребляются определительные словосочетания, имеющие лексический статус, обладающие единым значением. В составе сочетаний пейоративы несут более экспрессивное, усиленное значение, нежели слова без определений. Из наиболее распространённых можно отметить сочетания *шоньд нямёд* ‘тряпка, безвольный человек’ (досл. ‘тёплая портянка’) и *мисьтём чужём* ‘ненавистный человек’ (досл. ‘некрасивое лицо’). Примеры: *А гёлёсыс сылён лэчыл вёли: «Ланьт, шоньд нямёд! Челядьёс ачым чужсті, кыдзи кужа, сідзи и велёда!»* (В. Безносиков) ‘А голос у неё был резкий: «Молчи, тряпка! Детей сама родила, как сумею, так и выучу»¹, *Ветерок. Кулакъяс вичкоё дзебёмаёсь зэв уна нянь белёй воинстволы. Ёгыр Анна. Мисьтём чужёмъяс!* (Н. Дьяконов) ‘Ветерок. Кулаки в церкви спрятали очень много хлеба для белого воинства. Ёгыр Анна. Ненавистные!’ Это наиболее интересный материал в составе пейоративной лексики, позволяющий сделать определённые выводы и в области

¹ Здесь и далее перевод с коми языка выполнен автором – Е. Ц.

когнитологии, выявления языковой картины мира коми народа.

Переносные значения, или лексико-семантические варианты (ЛСВ) всегда являются мотивированными, связанными с прямым значением и реализуются, как правило, в определённых контекстах. Роль языковой метафоры в мыслительной деятельности человека П. Лафарт определяет так: «Метафора – есть один из главных путей, по которым абстракция проникает в голову человека» (цитата по работе В. И. Кодухова [6, 162]). Общепринято также положение о том, что слова в переносных значениях, сохраняя свою мотивированность, активнее выражают мысль и более эмоционально воздействуют на слушающего или читателя.

К сожалению, тема полисемии как в синхронном, так и диахронном плане в коми языкознании подробно ещё не изучена, хотя она представляет большой интерес не только для описательной лексикологии, но и для специалистов в области когнитологии, для языковедов, изучающих национальную картину мира коми народов. В теоретическом отношении важно осознавать значимость семантической изменчивости в истории языка и в контекстуальном их расширении конкретными пользователями языка. Дж. Лайонз подчёркивает: «Для лексемы нельзя указать конкретное число значений. Дискретность в языке – это свойство формы, а не значения. Во всех естественных языках значения лексем плавно переходят одно в другое, между ними нет чётких границ» [8, 138]. Также и в пределах одной пейоративной лексемы могут сосуществовать отдельные ЛСВ. Например, у слова *мёмёт* выделяются значения «рохля, копуша, медлительный человек» и «дурак, придурковатый». Примеры: *Лоан мёмёт, Ме ог кёмод, Руч ку пась ог сет* (И. Куратов) ‘Станешь дурнем, Я не обую тебя, Лисью шубу не подарю’; – *Тэ этія... Опонь... Тэ прөстит менё... – мыжа гёлёсён шыёдчис Гриш Миш. Мёмётён өні ачымёс кыла. Тупичаён* (А. Шебырев) ‘– Ты вот что... Опонь... Ты прости меня... виноватым голосом обратился Гриш Миш. – Дураком теперь себя ощущаю. Тупицей’.

В коми языке можно отчётливо выделить следующие группы слов, на базе которых возникли пейоративные созначения – лексемы, обозначающие:

1) части тела человека, предметы выделения организма,

2) предметы традиционного хозяйства и домашнего быта,

3) зооморфизмы, слова-названия животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся, рыб,

4) фитонимы, названия растений и их частей,

5) имена собственные (этнонимы, личные имена),

6) мифологическая лексика (названия духов, различных отрицательных существ и т.п.).

Из перечисленных групп в коми языкознании более подробно исследована лишь лексико-семантическая группа пейоративов, образованных на основе различных этнонимов [17; 18], иные группы ещё не рассмотрены.

Опорные слова, обозначающие предметы традиционного хозяйства и домашнего быта

Изучение пейоративной и мелиоративной лексики позволяет также лучше осветить историко-культурный фон жизнедеятельности коми-зырян на протяжении многих веков, т.к. при метафоризации, вторичной номинации в качестве опорных слов коми брали такие единицы, которые выражают наиболее рутинные, повседневные реалии. Относительно древней истории коми-зырян в последнее время появляются «новые» версии, а именно: с одной стороны, романтизируется и выпячивается охотничье-рыболовная отрасль хозяйствования коми в ущерб земледельческо-скотоводческой отрасли, и, во-вторых, чрезвычайно преувеличивается русское влияние на язык и культуру коренного населения республики в ходе истории. Для иллюстрации далее даны две цитаты. Первая принадлежит исследовательнице русских диалектов, которая так объясняет путь заимствования коми языком русских диалектизмов: «Причины заимствования в этом случае во многом экстралингвистичны: пашенное земледелие и огородничество было перенесено на Европейский Север России русскими, и вместе со знакомством с новыми видами деятельности финно-угорские народы заимствовали соответствующую терминологию» [15, 295]. Вторая цитата принадлежит фольклористу, посвятившему ряд трудов деятельности Стефана Пермского и его влиянию на разные сферы общества: «Что касается коми, то в XIV веке они приняли православие, утратив при этом самобытную охотничью культуру, не говоря уже о религиозно-мифологической традиции... Стабильный, выверенный тысячелетиями уклад

жизни, менялся на новый, причём этот новый, сельскохозяйственный уклад, не вырабатывался эволюционно в самом обществе, а был привнесён извне — уже готовым. Это был русский православный жизненный уклад, возможно, опосредованный влиянием ассимилированных финно-угорских племён» [9, 239]. Древние коми в таком понимании были не оседло живущим сельскохозяйственным народом, а неким охотничье-рыболовецким племенем, как обские угры и саамы, а также самодийцы.

Автор данной статьи ставит вопрос о том, можно ли принять во внимание вышеупомянутые точки зрения на основе рассмотрения пейоративов, которые возникли на основе опорных слов, обозначающих предметы традиционного быта коми-зырян. Метафорический перенос строится на сравнении человека с определёнными реалиями, которые выражают слово или опорное слово в лексическом словосочетании. В коми языке выделяются следующие группы слов: части тела, названия животных и птиц, названия растений и их части, этнонимы, предметы традиционного домашнего быта, составляющие большинство слов-пейоративов. В составе последней группы выделяется шесть подгрупп пейоративных единиц.

1) Детали одежды и обуви.

ноп: *сiт ноп* ‘сопляк’ (досл. ‘рюкзак, полный экскрементов’) ← ‘рюкзак’

тюни: *киссьõм тюни* ‘тюха, смиренный’ ← ‘валенки, валенок’

Алеша Надеевыс сiдз кымын жõ ас йывсьыс шуис: — *Енмыс, другõ, миянõс мездiс на! Сийõ вед абу тюни!* (Н. Куратова), *мортыс абу киссьõм тюни* [12, 66].

2) Еда и посуда.

шаньга: *гуга-бана шаньга* ‘двуличный человек’ (досл. ‘шаньга с двойным верхом’) ← ‘шаньга’

рунь: *дыш рунь* ‘лентяй’ (досл. ‘ленивая жидкая каша из ячневой муки или толокна на воде’)) ← ‘каша’

3) Инструмент, орудие действия.

берган ‘упрямец’ ← ‘палка, которой подпирается навой с основой, притужальник’.

нõш ‘круглый дурак’ ← ‘деревянная колоушка для колки дров’.

4) Игрушка, музыкальный инструмент.

бергач: *коклябõрля выв бергач* досл. ‘волчок на пятаке’, *тõв йыв бергач* досл. ‘вертушка на ветру’, ‘легкомысленный, ветреный человек,

лицемер, флюгер’ ← ‘юла, волчõк’

бырган ‘болтун, пустомеля’ ← ‘вертушка на деревянной палке’

5) Предмет традиционного домашнего быта и обихода.

падьян, лашпадьян ‘неклюжий, медлительный человек’ (досл. ‘медлительный короб’) ← ‘короб’.

кунсук ‘брюзга, ворчун’ ← ‘осадок щёлочка’.

6) Средство транспорта, вид передвижения.

ветки: *дзибыр ветки* ‘непоседа, егоза’ (досл. ‘шаткая долблёная лодка’) ← ‘лодка-долблёнка’

лызь: *кõч ку лызь* ‘переменчивый, непостоянный человек’ (досл. ‘лыжи, обитые заячьей шкурой’) ← ‘лыжи’.

Опорные слова-зооморфизмы,

названия животных, птиц, насекомых

Результаты рассмотрения зооморфизмов получены на эмпирической базе пополняемого нами фонда коми эмотивных слов, куда включены все разряды слов-пейоративов, включая многочисленные заимствования из русского языка. Как правило, зооморфизмы, представляющие названия животных, птиц, насекомых и рыб, употребляются в переносных значениях. Возникновение пейоративных значений на основе опорных слов-названий животных можно назвать языковой универсалией, такие лексемы есть во всех живых языках, однако состав и семантический объём слов-пейоративов в языках, естественно, отличается.

Закономерно наиболее частотны в речи ЛСВ на основе названий животных и птиц; единиц, возникших на основе названий насекомых, земноводных, пресмыкающихся и рыб, совсем немного. Причина этому понятна — люди в процессе традиционного хозяйствования чаще всего наблюдают жизнь животных и птиц. Из зооморфизмов-названий животных большую часть (21 вида) представляют собой названия домашних животных, меньшую часть (15 видов) соответственно дикие животные. Количественная фиксация групп названий животных также различается: к домашним животным относится 62 употребления, к диким — 23. И это представляется также закономерным, т.к. коми как исконные земледельцы и скотоводы, а не только охотники и рыбаки, как утверждают теперь некоторые так называемые этнологи, имели ежедневные тесные контакты с домашними животными, прежде всего с собакой, коровой, овцами, лошадьми.

Тем не менее, перечень слов этого разряда пополнился и за счёт заимствований из русского языка, у которых пейоративное значение было также заимствовано вместе со словом, например, лексемы *козёл*, *осёл*, *облезляна*. У слова *козёл* пейоративное значение совпадает с таковым в русском языке: «Мерзкий, подлый, вредный мужчина» [11, 119], например, *Матрен сѡмын кызѡктыштис: – Йѡйтав, йѡйтав, сюра дявѡл! Выжыв руыд кѡ вѡдитѡ, улыс гач кежсьыд чеччав, пѡрысь козѡлѡй!..* (В. Безносиков) ‘Матрен только кашлянула: – Валяй, валяй дурака, рогатый дьявол! Если сумасбродный нрав управляет тобой, прыгай в нижних штанах, старый козёл’.

На первый взгляд может легко показаться, различные языки сходны в использовании названий животных для наречения людей определённого свойства, к примеру для хитрого, изворотливого и лукавого человека применяются слова со значением «лиса, лис», например, коми *руч*, удм. *жичы*, фин. *kettu* и т.д., а для человека робкого, безвольного, излишне послушного используются слова со значением «овца», к. *баля*, *ыж*, удм. *ыж*, фин. *lammas*. Однако семантический объём таких пейоративов в различных языках в ряде случаев неодинаков. Это относится, например, к коми пейоративной единице *порсь* ‘свинья’, которым называют неряшливых людей, грязнуль, чаще всего детей. В других языках соответствующие слова имеют дополнительные ЛСВ вдобавок к значению «неряха, грязнуля»: в русском это дополнительно «невежественный, некультурный человек» и «негодяй, неблагородный человек» (3 ЛСВ), в испанском слово *puerco* имеет созначения «неряха», «грубиян», «подлец, негодяй», «жадный человек», «поверженный человек» и «трус» (6 ЛСВ) [7, 237]. Всё это объяснимо исторически тем, что коми с древности мало держали свиней, т.к. для них нужны такие корма как зерно, картофель, которых в северных условиях и для себя не хватало на круглый год, хотя само слово *порсь* исконное, древнее, являющееся индо-иранским заимствованием в финно-угорских языках [10, 226], ср. удм. *парсь*, фин. *porsas*. Лишь зажиточные коми-зыряне могли себе позволить раньше держать свиней. А в Испании, как и в других южных странах, где свиноводство издавна развито, у пейоратива со значением «свинья» спектр значений шире. То же относится и к зооморфизму

вѡв ‘лошадь’, который в коми-зырянских текстах в качестве пейоратива встречается редко лишь в составе лексических словосочетаний *дудан вѡв асныра*, *ыръян*, *пыксъысь* [12, 49], *дудысь вѡв* ‘ленивый, медлительный человек’ (досл. ‘останавливающаяся лошадь’), *жынняна вѡв* ‘болтун, сплетник’ (досл. ‘лошадь с дугой с коколькольчиком’). *Ланьт*, *жынняна вѡв* [12, 54] ‘Замолчи, болтун!’. Вообще, лошадь в представлениях коми никак не ассоциируется с негативным, вредным существом, наоборот, это любимое всеми домашнее животное.

Может показаться странным, но для выражения резко негативной оценки человека коми-зыряне чаще всего применяют зооморфизмы *пон* ‘собака’ и гораздо реже *кѡин* ‘волк’, со словом *пон* существует множество лексических сочетаний, например, *кык кока пон* досл. ‘собака на двух ногах’, *бѡжтѡм пон* досл. ‘собака без хвоста’, *гусьѡн пурьсь пон* ‘тайком кусающая собака’, *туйтѡм пон* досл. ‘негодная собака’, *урѡс пон* ‘паршивая собака’ и др.

Среди зооморфизмов-названий диких животных, наиболее типичными являются *руч* ‘лиса’ в значении «хитрец, проныра», *кѡин* ‘волк’ в значении «злодей», *ош* в значениях «неуклюжий, топтыга, неосторожный», и «дурной, некультурный, неграмотный человек». Можно назвать и особенный для коми-зырян пейоратив *палюр / паляур* ‘белка-летяга’, который несёт переносное значение «примак, падкий на чужое, дармоед». Примеры: – *Но мый, Нина!? – лѣкысь горѡдѡс Данил. – Ме дѡнѡ локтѡн? Бѡръяысь? Ха-ха! Давай!... Нинѡм тѡд овнысѡ! Мен овнысѡ, мен! Челядьѡс босьта, мамыдлысь мырддѡ. Юны дугда, удж корся. Палюртѡ керкаысь шыбита* (А. Шебырев) ‘– Ну что, Нина!? – зло крикнул Данил. – Ко мне пришла? В последний раз? Ха-ха! Давай!... Нечего тебе жить! Мне жить, мне! Детей заберу, отберу у твоей матери. Перестану пить, работу найду. Примака-дармоеда из дома вышвырну’; – *Но и паляур, сѡдзкѡ. Шог ни яндзим! – шешмунли Виринея. – Эн и гѡгѡрво, коньѡр. – Мыйла эг гѡгѡрво? Паляурьд поз аслыс оз вѡчлы, вѡттѡ оз мынтывлы: ме пѡ абу лѡбалысь ни абу котралысь. Миян ѡд паляурѡн жѡ нимтѡны дѡва ордад пырысьтѡ. А ме важѡн нин ур, гѡрд ур!* (Г. Юшков) ‘– Ну и примак-дармоед ты, таким образом. Ни печали ни стыда! – усмехнулась Виринея. – Так и не понял, бедняга. – Почему не понял? Белка-летяга себе гнездо

не устраивает, подати не платит: я мол не летающий и не бегающий. У нас ведь паляуром также именуют входящего к вдове в дом на житье. А я давно уже белка, красная белка!'. Коми как древние охотники подметили одну характерную особенность белок-летяг: они никогда не делают собственных гнезд, а всегда занимают чужие.

Обзор пейоративных значений, возникших на основе названий птиц, имеет свои отличия применительно к материалу коми языка. Во-первых, из 21 опорного слова только три относятся к названиям домашних птиц (*чипан* 'курица', *петук* 'петух' и *индюк* 'индюк'), остальные – к диким пернатым. Это объясняется тем, что коми-зыряне в хозяйствах традиционно держали лишь кур, но не гусей, уток, индюков. Пейоратив *индюк* в текстах является заимствованием из русского разговорного узуса. Во-вторых, большинство названий употребительно в составе односложных пейоративных единиц и лишь слова *рака* 'ворона', *катша* 'сорока', *кутиш* 'орёл' и *петук* выступают в составе лексических словосочетаний. Они являются и наиболее употребительными. Словом *катша* 'сорока' обращаются к женщинам, пейоратив имеет несколько ЛСВ: 1. болтушка, трещотка, сплетница, 2. несерьёзная, легкомысленная женщина, 3. гулящая, развратная женщина. Однако *катша* в обращении к детям и молодёжи обоих полов имеет значение «шалун, шалунья, сорванец». А вот для обозначения распутного пожилого мужчины-ходока используется сочетание *пöрысь кутиш* досл. 'старый орёл'. Большинство подобных лексем-пейоративов возникло на основе многовековых наблюдений над птицами, прежде всего над их поведением, характерными повадками в стайках, среди себе подобных.

Для сравнения, в составе пейоративных единиц нами зафиксировано также 12 лексем-

названий насекомых, 6 лексем названий земноводных и червей, одно название рыб – *налим*. Все это говорит об особой близости коми-зырян к природе, как в прошлые эпохи, так и в настоящее время.

Обсуждение и заключение

Общепризнанный факт о том, что эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения, послужил катализатором развития эмотиологии как самостоятельной дисциплины в лингвистике, которая активно пробивается и в процесс исследования финно-угорских языков. Это важно и потому, что языки формируют эмоциональную картину мира у представителей определенных лингвокультур. Наиболее конкретно эмоции выражаются лексическими средствами, среди них определённым ядром являются слова-пейоративы, которых в коми языке довольно много, как исконного происхождения, так и заимствований.

Краткое рассмотрение представленных двух подгрупп лексики, послужившей в качестве опорных слов для формирования коми пейоративов, ясно свидетельствует о том, что коми-зыряне издавна вели оседлый земледельческий, сельский образ жизни, имели в распоряжении предметы быта, говорящие о развитых земледельческих и скотоводческих навыках. Это положение дополняют и другие данные истории языка: все основные названия культурных растений и названий домашних животных, бытовых реалий не являются заимствованиями из русского языка, что говорит о неистинности вышеприведённых «новомодных» мнений. Наоборот, реалии, связанные непосредственно с охотой и рыболовством, в составе опорных слов практически отсутствуют.

Список источников и литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор: 31 000 кымын кыв = Коми-русский словарь: около 31000 слов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Зотова Н. В. Категория эмотивности в современном удмуртском языке (на материале художественной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2018. 20 с.
5. Карманова А. Н. Ёнія коми кыв. Лексикология. Велöдчан небöг = Современный коми язык. Лексикология. Учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. 164 с.
6. Кодухов В. И. Общее языкознание. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 304 с.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2014. 348 с.
8. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.

9. Лимеров П. Ф. Охотники и земледельцы: встреча культур // Семизис и культура. Сыктывкар: КГПИ, 2005. С. 235–240.
10. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 384 с.
12. Плесовский Ф. В. Коми кывтэчасъяс (коми фразеологизмы). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 176 с.
13. Рябов И. Н., Рябова Г. В. Дифференциация лексем с эмотивным значением в мордовских языках // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2017. № 3. С. 177–183.
14. Рябова Г. В. Эмотивная лексика эрзянского языка. Учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 80 с.
15. Теуш О.А. Коми-русское лексическое контактирование (на материале географической терминологии) // Пермистика 16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2017. С. 293–303.
16. Цыпанов Е. А. Гриб дождевик и его названия в коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 1. С. 86–89.
17. Цыпанов Е. А. Незафиксированные этнонимические слова-пейоративы в коми языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. С. 334–342.
18. Цыпанов Е. А. Переход имен собственных в нарицательные в коми языке. [Б. м.]: Lambert Academic Publishing RU, 2018. 68 с.
19. Черных В. А. Понятие о слове // Современный коми язык. Лексикология. М.: Наука, 1985. С. 6–34.
20. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 р.
21. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 128 с.
22. Johnson-Laird P. N., Oatley K. The Language of Emotions: an Analysis of Semantic Field // Cognition and Emotion. 1989. Vol. 3(2). С. 81–123.
23. Tamuri K., Mihkla M. Emotions and Speech Temporal Structure // Linguistika Uralika. 2012. № XLVIII. Pp. 209–217.
24. The language of emotions: conceptualization, expression, and theoretical foundation / edited by Susanne Niemeier, René Dirven. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1997. 333 p.
25. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 362 p.
26. Wierzbicka A. Human emotions: Universal or culture specific // American Anthropologist. 1986. Vol. 88. No. 3. Pp. 584–594.

References

1. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 576 p. (In Russian)
2. Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. *Komi-roč kыvčucker: 31 000 kыmyn kыv* [Komi-Russian dictionary: about 31 000 words]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2000. 816 p. (In Komi, Russian)
3. Wolf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (In Russian)
4. Zotova N. V. *Kategorija emotivnosti v sovremennom udmurtskom jazyke (na materiale hudožestvennoj prozy)* [The category of emotiveness in the modern Udmurt language (based on the material of prose)]. Izhevsk, 2018. 20 p. (In Russian)
5. Karmanova A. N. *Enija komi kыv. Lexicologia. Veledchan nebeg* [The modern Komi language. Lexicology. Textbook]. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU Publ., 2004. 164 p. (In Russian)
6. Kodukhov V. B. *Občeje jazykoznanije* [General linguistics]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2013. 304 p. (In Russian)
7. Kornilov O. A. *Jazykovyje kartiny mira kak proizvodnyje nacionalnyh mentslitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: KDU Publ., 2014. 348 p. (In Russian)
8. Lajonz Dž. *Jazyk i lingvistika. Vvodnyj kurs* [Language and Linguistics. Introductory course]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 320 p. (In Russian)
9. Limerov P. F. *Ohotniki i zemledelcy: vstreča kultur* [Hunters and farmers: meeting of cultures]. *Semizis i kultura* [Semiosis and culture]. Syktyvkar: KGPI Publ., 2005. pp. 235–340. (In Russian)

10. Lytkin V. I., Gulayev E. S. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1999. 430 p. (In Russian)
11. Mokienko V. M. *Ruskoje skvernoslovie. Kratkij, no vyrazitelnyj slovar* [Russian foul language. Brief, but expressive dictionary]. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2010. 384 p. (In Russian)
12. Plesovskiy F. V. *Komi kyvtechasjas* [Komi phraseological units]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1986. 176 p. (In Komi, Russian)
13. Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Differeciacija leksem s emotivnym značeniem v mordovskih jazykah* [Differentiation of lexemes with emotive meaning in the Mordovian languages]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordovia* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], 2017, no. 3, pp. 177–183. (In Russian)
14. Ryabova G. V. *Emotivnaja leksika erzjanskogo jazyka* [Emotive vocabulary of the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2008. 80 p. (In Russian)
15. Teush O.A. *Komi-russkoje leksičskoje kontaktirovanije (na materiale geografičeskoj terminologii)* [Komi-Russian lexical contacts (on the material of geographical terminology)]. *Permistika 16: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami* [Permistika 16: Dialects and history of the Perm languages in interaction with other languages]. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU Publ., 2017. pp. 293–303. (In Russian)
16. Tsypanov E. A. *Grib dozdevik i ego nazvanija v komi jazyke* [Mushroom raincoat and its names in the Komi language]. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN* [Bulletin of the Komi Scientific Center, of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 1, pp. 86–89. (In Russian)
17. Tsypanov E. A. *Nezafiksirovannnye otetnonimičeskije slova-pejorativy v komi jazyke* [Unfixed otethnonymic pejoratives in the Komi language]. *Permistika 15: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami* [Permistika 15: Dialects and history of the Perm languages in interaction with other languages]. Syktyvkar: izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina Publ., 2015. pp. 334–342. (In Russian)
18. Tsypanov E. A. *Perehod imen sobstvennyh v naricatelnyje v komi jazyke* [Transition of proper names into common nouns in the Komi language]. [W/p]: Lambert Academic Publishing RU, 2018. 68 p. (In Russian)
19. Chernykh V. A. *Ponatije o slove* [Notion of a word]. *Sovremennyy komi jazyk. Leksikologija* [The modern Komi language. Lexicology]. Moscow: Nauka Publ., 1985. pp. 6–34. (In Russian)
20. Shakhovskiy V. I. *Lingvističeskaja teorija emocij* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russian)
21. Shakhovskiy V. I. *Emocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologija* [Emotions: Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2016. 128 p. (In Russian)
22. Johnson-Laird P. N., Oatley K. The Language of Emotions: an Analysis of Semantic Field. *Cognition and Emotion*, 1989, vol. 3, pp. 81–123. (In English)
23. Tamuri K., Mihkla M. Emotions and Speech Temporal Structure. *Linguistica Uralika*, 2012, no. XLVIII, pp. 209–217. (In English)
24. *The language of emotions: conceptualization, expression, and theoretical foundation*. Ed. by Susanne Niemeier, René Dirven. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1997. 333 p. (In English)
25. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p. (In English)
26. Wierzbicka A. Human emotions: Universal or culture specific. *American Anthropologist*, 1986, no. 88 (3), pp. 584–594. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цыпанов Евгений Александрович, заместитель директора по науке, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук, доцент.

tsypanov@mail.illhkomisc.ru,

ORCID.ID: 0000-0001-6351-2896

ABOUT THE AUTHORS:

Tsypanov Evgeniy Alexandrovich, Deputy Director for Science, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor.

tsypanov@mail.illhkomisc.ru,

ORCID.ID: 0000-0001-6351-2896